

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Ганс Рот

АД ВОСТОЧНОГО ФРОНТА

**ДНЕВНИК НЕМЕЦКОГО
ИСТРЕБИТЕЛЯ ТАНКОВ**

1941—1943

За линией фронта. Мемуары

Ганс Рот

**Ад Восточного фронта.
Дневники немецкого
истребителя танков. 1941–1943**

«Центрполиграф»

2010

УДК 94(47)"1939/1945"
ББК 63.3(2-2)62

Рот Г.

Ад Восточного фронта. Дневники немецкого истребителя танков.
1941–1943 / Г. Рот — «Центрполиграф», 2010 — (За линией
фронта. Мемуары)

ISBN 978-5-227-08523-8

Ефрейтор, а позднее фельдфебель Ганс Рот начал вести свой дневник весной 1941 г., когда 299-я дивизия, в которой он воевал, в составе 6-й армии, готовилась к нападению на Советский Союз. В соответствии с планом операции «Барбаросса» дивизия в ходе упорных боев продвигалась южнее Припятских болот. В конце того же года подразделение Рота участвовало в замыкании кольца окружения вокруг Киева, а впоследствии в ожесточенных боях под Сталинградом, в боях за Харьков, Воронеж и Орел. Почти ежедневно автор без прикрас описывал все, что видел своими глазами: кровопролитные бои и жестокую расправу над населением на оккупированных территориях, суровый солдатский быт и мечты о возвращении к мирной жизни. В 1944 г. фельдфебель Ганс Рот пропал без вести в Витебском котле, но сохранились три дневника с описанием боевых действий, в которых он принимал участие. Лишь много лет спустя их обнаружили внуки Рота и осуществили издание записок своего деда.

УДК 94(47)"1939/1945"
ББК 63.3(2-2)62

ISBN 978-5-227-08523-8

© Рот Г., 2010

© Центрполиграф, 2010

Содержание

Введение	7
Предисловие	9
Дневник первый. Операция «Барбаросса» и битва за Киев	11
Примечание издателя	11
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ганс Рот

Ад Восточного фронта. Дневники немецкого истребителя танков. 1941–1943

© 2010 Christine Alexander and Mason Kunze

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2019

* * *

*Эта книга посвящается моему деду Гансу Роту – человеку,
который в разгар войны считал необходимым оставить наследие для всех
тех, кому не суждено будет знать его*

Кристина Александер

Введение

Рассказы о войне всегда увлекали и очаровывали меня. Мальчишкой я часами просиживал у телевизора, забывая обо всем, вглядываясь в черно-белые кадры хроники Первой и Второй мировых войн. Наверняка я раз сто видел «Тора, Тора, Тора»¹ и «Пушки острова Наварон»², но готов был просмотреть их еще столько же.

Но я и вообразить себе не мог, что где-то в пыли под крышей родного дома скрывались записки того, кто воочию видел события войны, участвовал в них, и никакие исторические кадры не шли в сравнение с ними. Так продолжалось до тех пор, пока я, помогая однажды матери делать уборку в доме, не наткнулся на эти пролежавшие без дела целых три десятилетия сокровища.

Моя мать росла в 1930–1940-е годы и всегда без особой охоты рассказывала моему брату, сестре и мне о своем детстве в довоенной Германии.

С той же неохотой она передала мне эти три прекрасно сохранившихся рукописных дневника. И пояснила, что это фронтовые записки моего деда-немца. Написаны они были по-немецки, прочесть их я, естественно, не мог и первые пять страничек попросил перевести как можно скорее – мне не терпелось узнать, о чем в них говорится, а говорилось в них о вещах поразительных.

Даже переводивший их чистокровный немец был шокирован уже после нескольких страниц.

Это было сообщение из первых рук о жестокости, бесчеловечности и гибели, тесно переплетавшееся с надеждой, что однажды жизнь вернется в привычное нормальное довоенное русло.

Это были не просто слова солдата-фронтовика с передовой Восточного фронта, это были слова моего деда Ганса Рота. Деда, которого мне так и не посчастливилось узнать лично, а только судить о нем по страницам написанного им дневника.

В германскую армию Ганса Рота призвали в возрасте 30 с лишним лет. Любопытно было бы его жизни до войны. Он был владельцем процветающей фирмы, занимавшейся графическим оформлением и располагавшейся в самом центре Франкфурта-на-Майне, счастливым мужем прекрасной жены и отцом милой пятилетней дочурки по имени Эрика.

Его жена, моя бабушка, как и многие немки во время войны, была вынуждена пойти на работу на оружейный завод. На этой работе они дневали и ночевали, поэтому их дети были фактически предоставлены самим себе. Красный Крест направил мою мать, тогда еще ребенка, вместе с другими детьми на одну из ферм, где о них заботились чужие люди.

Миновало свыше пяти лет, пока дневник наконец не был переведен, – собственно, это было три дневника.

Одна из переводивших смогла осилить лишь очень небольшой отрывок, а потом отказалась от дальнейшей работы. Женщина мотивировала это тем, что, дескать, дневники настолько реалистичны и вызывают у нее столько эмоций, что она не в состоянии больше заниматься этим. К тому же я отметил, что и моя мама так и не прочла их до конца. Это было написано ее папой, тем самым папой, которого она толком и не помнила.

---

¹ «Тора! Тора! Тора!» (*англ.* Tora! Tora! Tora!) – художественный фильм совместного производства США и Японии, вышедший на экраны 23 сентября 1970 г. Известен как наиболее достоверное киноизображение атаки японского флота на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г. (*Примеч. пер.*)

² «Пушки острова Наварон» (*англ.* The Guns of Navarone) – военный кинофильм режиссера Джей Ли Томпсона, вышедший на экраны в 1961 г. Экранизация одноименного романа Алистера Маклина. (*Примеч. пер.*)

Единственное, что она запомнила о нем, так это склонившегося над ней мужчину, который хотел поцеловать ее на прощание, пока она лежала в своей кровати. После этого Ганс Рот отправился воевать.

И для моей матери прочесть эти дневники означало узнать о человеке, которого она не помнила, и вновь пережить всю горечь разлуки с ним.

Вплоть до нынешних дней она предпочитает ничего об этом не знать и не слышать.

Мэйсон Кунице, внук Ганса Рота

Предисловие

Вторжение немецких войск в Советский Союз в ходе Второй мировой войны стало крупнейшим и самым кровопролитным в истории столкновением двух государств. Огромная армия – по самым скромным подсчетам, 7 миллионов человек на начальном этапе – и тысячи танков и самолетов рассеялись по необозримым просторам. Подобно изображению на телеэкране, складывающемуся из миллионов точек, непостижимая свирепость этой кампании явилась результатом бесчисленного множества актов жестокости миллионов отдельных солдат. И все же значительные по объему деталильные воспоминания об этой кампании относительно редки: мало кто из ее участников отважился правдиво, без прикрас отобразить их на бумаге, а немногим отважившимся было не суждено дожить до ее завершения.

Ганс Рот находил время для ведения дневника, будучи участником самых ожесточенных сражений, отличавших ход войны на Восточном фронте. Его способность проникать в суть явлений рисует нам волнующую картину повседневной жизни немецкого солдата, сражающегося не на жизнь, а на смерть.

Ганс Рот любил жену и дочь. Дочь свою он видел очень недолго, поскольку был призван в вермахт и направлен на службу противотанковый батальон 299-й пехотной дивизии. Часто и едва ли не постоянно он в своем дневнике пишет о любви к семье, пишет, как тоскует по ней. В письмах домой, а писал он их при любой возможности (об этом постоянно упоминается в его дневниках), мне все же думается, что он не описывал ужасы войны с той характерной для дневника откровенностью.

Повествование Ганса начинается в конце весны 1941 года, когда 299-я пехотная дивизия, входившая в состав 6-й германской армии, готовилась к нападению на Советский Союз. Согласно операции «Барбаросса», 299-я дивизия в ходе упорных боев продвигалась южнее Припятских болот. Ганс Рот своими глазами видел гибель людей, причем солдат и офицеров обеих армий, как русской, так и немецкой. В конце лета того же года подразделение Рота участвовало в замыкании кольца окружения вокруг столицы Украины (Украинской ССР в составе СССР), создании Киевского котла и одним из первых вошло в Киев. По прошествии совершенно ужасной, холодной зимы Рот вместе со своими однополчанами из 299-й дивизии осуществлял поддержку северного крыла 6-й армии, наступавшей тогда на Сталинград, и принял участие не в одном из ожесточенных сражений. В ходе широкомасштабного контрнаступления Красной армии, в результате которого 6-я немецкая армия была прижата к Волге и оказалась в кольце окружения, 299-й дивизии и вместе с ней Гансу Роту посчастливилось не угодить в клещи советских войск. Русские продолжали наносить сокрушительные удары, и Ганс Рот стал свидетелем разгрома 8-й итальянской, 2-й венгерской и 3-й румынской армий севернее Сталинградского котла, когда личный состав перечисленных армий просто рассеялся по местности. Его подразделение потом включили сначала в состав 2-й армии, потом 2-й танковой армии – все это стало результатом попыток удержать фронт на южном фланге группы армий «Центр» после гибели 6-й армии под Сталинградом. Впоследствии Ганс Рот участвовал в кровопролитных боях за Харьков, Воронеж и Орел, также по своему характеру крупных и ожесточенных сражениях, что в целом соответствовало специфике ведения боевых действий на Восточном фронте.

В своих описаниях германских кампаний ефрейтор, а позднее фельдфебель Рот со всей отчетливостью описывает происходящее, в частности, жизнь русских и украинцев, нужду, которую они испытывали, подчеркивая вопиющую разницу с той явно приукрашенной картиной жизни, о которой он был наслышан в довоенные годы. Их жизненный уклад оказался для Ганса Рота шокирующе чужеродным, незнакомым, но, проведя бок о бок с ними без малого два года, он сумел привыкнуть к нему. Он был свидетелем массовых расправ с взятыми в плен

партизанами, открыто и резко выражая недовольство обращением с ними и в то же время прекрасно понимая, что именно от этих людей он сам в любой момент мог получить пулю в спину, – таковы непреложные и жестокие законы войны. Начисто лишённые какого бы то ни было сглаживания углов и затушевывания зверств, столь характерных для более поздних публикаций военной мемуаристики, воспоминания Рота имеют одно явное преимущество: они, в отличие от подавляющего большинства литературы подобного жанра, писались не в послевоенные, а в военные годы. В этом и состоит сила дневников Рота – его мысли и впечатления лишены какой-либо растушевки, не замазаны ничем, бесчеловечность не прикрывается фигурными листками иносказаний, вероятно куда более удобоваримых для послевоенного восприятия.

Ганс Рот пропал без вести в Витебском котле, одном из нескольких во время разгрома группы армий «Центр» в июне – августе 1944 года. Нет никакого сомнения, что он писал свой четвертый по счёту дневник как раз тогда, когда летом 1944 года все его контакты с семьёй оборвались окончательно. Три дневника, описывавшие предыдущий период войны, благополучно добрались до дома, последний дневник завершается описанием событий июля 1943 года. О дальнейшей службе Ганса Рота известно мало, разве что из его писем домой, но в письмах, в отличие от дневников, как уже говорилось, ужасам места не нашлось. Место захоронения Ганса Рота до сих пор неизвестно.

Но написанные им дневники – своеобразный памятник ему и миллионам солдат, не вернувшихся домой и после страшного конца той войны.

Джеффри У. Роджерс

Дневник первый. Операция «Барбаросса» и битва за Киев

Примечание издателя

Записи в первом дневнике Ганса Рота начинаются с того, как 299-я пехотная дивизия, в которой он служил под командованием генерала Вилли Мозеля, развернулась у реки Буг в Польше, дожидаясь сигнала к началу операции «Барбаросса» – массированного наступления немцев на Советский Союз. Упомянутая дивизия входила в состав 6-й армии под командованием Вальтера Рейхенау, составлявшей левый фланг группы армий «Юг» под командованием фельдмаршала Герда фон Рундштедта.

Немецкие войска действовали тремя группами армий – «Север», наступавшей на Ленинград, «Центр», целью которой являлась Москва, и «Юг», главный удар которой был направлен на Киев и промышленные районы юга страны. Группа армий «Север» действовала в более выгодных условиях, ибо ее левый фланг составляло Балтийское море, таким образом, удар советских войск с этого направления исключался. Группа армий «Центр» имела в распоряжении две расположенные по флангам танковые группы. Такое развертывание позволило немцам провести несколько сражений на окружение: в районе Бреста, Минска и Смоленска, в считанные недели выйдя на подступы к Москве.

Верховное командование вермахта недооценило серьезности задач, стоявших перед группой армий «Юг», хотя группа и располагала, правда, всего одной танковой группой, театр военных действий был достаточно обширным и не имел естественных преград, которые могли бы способствовать противнику в концентрации сил. Далее, силы Советов на южном направлении под командованием маршала Семена Буденного³ были самыми многочисленными – 1 миллион солдат и офицеров, не считая резервных сил. На всех участках фронта наступления немцы были шокированы количеством артиллерии, танков и самолетов, в значительной степени превышавшим их предвоенные расчеты, а также ожесточенным сопротивлением Красной армии, в особенности именно на южном направлении.

В результате, если обе действовавшие севернее армейские группы – «Север» и «Центр» – сумели добиться впечатляющих успехов, то группа армий «Юг» увязла в кровопролитных, тяжелых боях с силами Буденного. 1-я танковая группа Клейста оказалась не в состоянии обеспечить своими силами окружение крупных сил неприятеля даже в условиях степной местности. Начальная стадия операции «Барбаросса» на южном направлении осуществлялась в основном за счет пехотных дивизий, продвигавшихся вглубь территории противника, сокрушавших силы русских и в конце концов вышедших к Киеву, где разыгрывались события, повторявшие Первую мировую войну.

6-я армия Рейхенау служила главным орудием наступления до июля 1941 года, когда главное командование сухопутных сил решило включить в состав 17-й армии и танковые силы, что позволило провести в районе Умани сражение на окружение, в ходе которого было захвачено 100 тысяч пленных. Поредевшие и отброшенные силы Буденного не смогли сдержать немцев на пути к низовьям Днепра и Черному морю, включая Крым.

Тем временем 6-я армия сражалась в районе Коростеня, Житомира и других городов на подступах к Киеву, где в нее мертвой хваткой вцепились силы советского Юго-Западного

---

³ Командовал в июне 1941 г. группой войск армий резерва Ставки, а в июле – сентябре был главкомом войск Юго-Западного направления (Юго-Западный фронт М.П. Кирпоноса и Южный фронт И.В. Тюленева). (Здесь и далее примеч. ред.)

фронта. Хотя большинство сводок относительно хода осуществления операции «Барбаросса» и пестрит описаниями убедительных побед немецких танковых дивизий, Рот описывает сражения пехотных дивизий 6-й армии как ад в чистом виде, как ожидание от командования исправления вопиющих ошибок.

В последующих дневниках, переводившихся с рукописных версий, в отдельных местах добавлены отсутствующие знаки препинания и концы абзацев. Где возможно, часть идиоматических выражений и чисто технических терминов снабжены помещенными в квадратные скобки пояснениями. Названия, присвоенные самим дневникам, принадлежат издателю и не являются частью оригинала.

12 июня 1941 г.

Снова нас вот-вот развернут для выполнения очередной сложной задачи. Надеюсь, что все, что произойдет, займет место в моем дневнике. В нем я буду отображать ежедневные события в их истинном виде, ничего не приукрашивая. В письмах жене о таких вещах мне сообщать воспрещается, но ничего, придет время, и я расскажу ей обо всем.

После изнурительной переброски, занявшей несколько дней, мы прибыли в Лашув (Польша), расположенный в 8 километрах от русской границы. Мы маршем прошли через Опатув, Люблин, Красныстав, Замосць, Хрубещув к нашему пункту назначения. Жара и пыль ужасны.

Жители Лашува, крохотного городишки в характерном украинском стиле, дружелюбно настроены и опрятно одеты. Дома [мазанки] небольшие, одноэтажные, крытые гонтом. Здесь основные стройматериалы – дерево и солома. Амбары и дома из плетеного ивняка.

Комнаты, хотя и небольшие, но чисто прибранные, всегда с белеными стенами, увешанными цветными плетеными соломенными ковриками. Печи, стены и потолки расписаны красивыми цветами. Яркие вышитые подушки, занавески и половики создают простую и в то же время приятную, радостную атмосферу. Мы разбили палатки в амбарах, где, наконец, можем рассчитывать на вполне заслуженные отдых и тишину.

13 июня

Переброска в Замосць для занятия позиций. Потрясающе живописный городской рынок. Богато украшенные барочные фасады здания бургомистра я хоть и вижу впервые, но мне они нравятся. Изумительный стиль! Здесь повсюду русские церкви с луковками на крышах. Названия улиц и лавочек, как правило, на двух языках – на немецком и на украинском.

14 июня

Получен приказ следовать к реке Буг (Западный Буг). В составе небольшой разведгруппы мне сразу же по прибытии на место велено нанести на карту позиции противника. По пути к месту вижу множество саперов, занятых засыпанием ямок на дорогах и прокладыванием гатей через заболоченные места.

К полудню я в Пясечно. Местный лес уже занят русскими. Буквально в нескольких десятках метров развевается советский флаг с серпом и молотом. Думать не хочется о том, что было бы, если бы русские решили выслать разведчиков в этот район. Мы очень хорошо понимаем, что подобное вполне возможно.

И что нам тогда делать? Русские доты в каких-нибудь сотне метров, и оттуда очень хорошо видны наши – 10 солдат и горстка саперов. Река служит государственной границей – за ней бездна, пропасть. Если русские надумают наступать, уйти мы не успеем, транспорта у нас никакого. Может, мы козлы отпущения, специально отданные на заклятие русским на случай нашего вторжения? Подобные вещи случались в Польше. А что, вполне почетный смертный

приговор! Но пока мы мирно отсыпаясь. Даже боевое охранение не выставили. К чему? Все равно – чему быть, того не миновать.

Моя дорогая Розель, если бы я написал обо всем этом, ты бы навек лишилась покоя. Счастье, что ты об этом ничего не знаешь.

15 июня

Обстановка с каждым днем все серьезнее. Прошлой ночью на нашем берегу были замечены русские разведчики, буквально в двух шагах от того места, где мы расположились. Судя по следам на песке, это была группа человек как минимум двадцать. В какую же заваруху мы ввязываемся! Неужели придется в них стрелять?

Теперь нам уже никак не остаться незамеченными. Они днями напролет отслеживают каждый наш шаг через стереотрубы. Вот и приходится пробираться по берегу скрытно, как индейцам, чтобы выполнить поставленную задачу. Именно так и придется действовать завтра, чтобы отметить на карте все неприятельские позиции и определить сектора огня для артиллерии. Хочется верить, что все получится!

16 июня

Вот уж повезло нам! Я сумел выполнить приказ безо всяких осложнений с красными. Мне уже известен участок реки, которую нам вместе с саперами предстоит преодолеть. И снова мы в первой волне наступающих! Поскольку операция базируется на полной внезапности для русских, атака, вероятнее всего, должна начаться через несколько дней. В лесу позади нас кипит бурная деятельность. Занимает позиции тяжелая артиллерия. Прибыли и танки. А прошлой ночью установили зенитные орудия.

Но и на стороне противника не сидят сложа руки. Красные укрепляют свои позиции, из занятого ими леса доносится шум – похоже, и они выводят танки на исходные позиции. Я сегодня измотался, даже вечером жара нестерпимая.

17 июня

Идет дождь, это самое настоящее благословение для местных крестьян. Все тропинки разом превратились в жижу по колено.

В полдень прибыл наш командующий [генерал Вилли Мозер]. Он привез неважные новости – нам предстоит торчать здесь еще несколько дней. К вечеру прояснилось, и небольшая прогулка по берегу Буга расслабила мои натянутые в последние дни, как струны, нервы.

Мне уже известен день нападения. Все произойдет 21 июня одновременно по всему огромному фронту. Что готовят нам следующие недели... С тоской вспоминаю дорогую семью. Как я себя неоднократно спрашивал, уж не тоскую ли я просто по комфорту штатской жизни. Я об этом раздумывал по пути к фортификационным сооружениям у Буга: нет, дело не в комфорте. Мои мысли постоянно вертятся вокруг Розель и моей дочурки Эрики. Меня до слез трогает ее любовь в каждой строчке писем. Эти двое – самые дорогие для меня создания на свете, и вот жизнь разлучила меня с ними.

Мыслями возвращаюсь к родителям – к отцу и матери, они тоже бесконечно дороги мне, мы очень любим друг друга. С благодарностью вспоминаю обо всем том добром, что сделали они для нас с Розель. С Божьей помощью я миную все трудности предстоящих недель. Ради них.

18 июня

Все очень и очень серьезно. Под покровом темноты наша дивизия перестраивается для атаки. Сегодня около полудня прибыло подкрепление – части 528-го пехотного полка – моло-

дые ребята с незагорелыми лицами. Солнце едва коснулось их только в последние дни. Да уж, солдатская участь! Я думаю, что атака по всему фронту начнется в воскресенье.

Этот только что наступивший день доставил мне радость – целых два письма от любимой Розель и еще одно из Ханау.

19 июня

Мои последние наблюдения привели меня к мысли о том, что наш участок [фронта] ждет ожесточенное сопротивление противника. Интересно, удастся ли нам наш основанный на внезапности маневр?

В тылу местных жителей заставляют уходить – бросать имущество и хозяйство. Нашим войскам, вероятно, тоже предстоит наступать завтра. Какая бесчеловечность – сгонять людей с насиженных мест! Женщины рыдают, рвут на себе волосы. Кругом плач и только плач! И мы ничем не можем им помочь!

Ура! Величайшая битва всех времен начинается послезавтра!

20 июня

Покидаем землянку. Прибыла дивизия – идут последние приготовления к атаке через Буг.

21 июня

Начало атаки сегодня ночью в 3.00. Мы приданы группе Клейста [1-я танковая группа под командованием фельдмаршала Пауля Людвига фон Клейста]. Наша задача: быстрый прорыв боевым порядком углом вперед, невзирая на потери...

На момент все затихает, наступает чудесное предзакатное спокойствие. Несколько часов спустя все эти домики запылают, а в воздухе засвистят осколки снарядов. Воронки избороздят поля и дороги.

То, что мы снова часть сил наступления под командованием Клейста, впечатляет. Прощай, моя жена Розель. Прощайте, мои дорогие родители. Завтра я буду думать о вас. Не тревожьтесь – солдатское везение не покинет меня.

22 июня

Внезапно, примерно в 3.15, гремит первый залп – огонь ведут сотни орудий всех калибров. В ответ раздается вой снарядов сталинского арсенала. Армагеддон начался. В этом грохочущем аду не обмолвишься и словом.

Наши тылы пока что мирно дремлют, но смерть уже пожинает урожай. С каменными лицами мы ползем по траншеям, считая минуты до приказа атаковать фортификации Буга... невольно касаемся солдатских жетонов, разбираем ручные гранаты, проверяем наши автоматы.

На часах 3.30. Раздаются свистки – мы проворно выскакиваем из укрытий и со всех ног преодолеваем 20 метров, отделяющие нас от лодок. Не замечаем, как оказываемся на том берегу, где нас встречают пулеметные очереди. Первые потери.

С помощью саперов мы медленно – слишком медленно – продираемся через заграждения из колючей проволоки. Еще несколько шагов – и мы подбираемся к первому доту, держась в мертвой зоне стрельбы. Русские палят как оголтелые, но достать нас никак не могут. Близится решающая минута. Сапер-взрывник подкрадывается к бункеру сзади и швыряет в амбразуру дота связку гранат. Бетон сотрясается, из амбразуры валит черный дым – сигнал начала конца. Мы продолжаем наступать, и к 10 утра Мовники в наших руках. Красные под натиском наших пехотинцев беспорядочно отступают. Поскольку наши танки довольно медленно форсируют реку, нам дан приказ очистить деревню от оставшихся там русских. Прочесываем все село

хату за хатой. Видим ужасные последствия нашего артобстрела. Но и русские тоже в долгу не остались.

Постепенно успокаиваемся и привыкаем к царящей вокруг разрухе. Неподалеку от здания русской таможни грудой свалены мертвые тела русских, большинство изуродовано осколками снарядов. Тут же несколько погибших при артобстреле штатских. Искалеченные до неузнаваемости тела женщины и двух ее маленьких детей лежат среди разбросанного домашнего скарба их аккуратного домика.

Нами захвачены первые пленные – снайперы и дезертиры получают заслуженное.

Как только прибывают наши танки, мы продолжаем атаку, но уже поддерживая ее огнем из ручного оружия, продвигаясь на Мышев, расположенный примерно в 40 километрах от линии фронта. В районе Бискупице наталкиваемся на ожесточенное сопротивление противника.

Гельмут Пфафф со своей 14-й ротой с трудом отбивает атаку русских танков. С большими потерями он вынужден отступить к Бискупице. По его расчетам, ожидается атака примерно 50 тяжелых танков русских. К закату мы занимаем круговую оборону. Хотя все выматывались за этот первый день боев, никто и не думает спать. Ночь проходит беспокойно, почти без сна.

23 июня

Утро начинается с обстрела легкой артиллерии. Русские танки так и не покинули зоны развертывания. Нам к 8.00 обещано подкрепление – танки и пикирующие бомбардировщики. Это здорово поднимает наш боевой дух.

А пока наши друзья из люфтваффе приготовили для нас развлечение. На бреющем они один за другим проносятся у нас над головой. Один за другим сбито 9 русских бомбардировщиков. Охваченные огнем, они падают на землю и взрываются. Это результат мастерской работы летчиков-истребителей под командованием Вернера Мёльдерса и Адольфа Галланда⁴.

В полдень русские начинают танковую атаку. Полчаса спустя следует контратака немцев. Ничего подобного нам видеть еще не приходилось: против нас брошено 100 танков. Но самое главное – не дрейфить и сохранять спокойствие. За очень короткое время нам удалось подбить 4 русских танка. Примерно два десятка пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс-87» с воем обрушиваются на русские танки. Во второй половине дня исход битвы решился в нашу пользу. Свыше 60 подожженных и застывших в неподвижности танков рассеяны по полю. Большая часть подразделений противника отступила к Бобичам. Мы идем за ними по пятам всю ночь, что позволяет нам затем окружить их.

24 июня

К концу дня удалось окружить силы врага и, невзирая на отчаянное сопротивление русских, сузить кольцо окружения. К 9.00 битва достигла кульминации. Ожесточенный отпор окруженной дивизии тревожит нас. Русские, словно обезумев, рвутся к нашим позициям. К 10.00 положение становится весьма критическим – русским удастся прорвать кольцо окружения на южном участке низины.

Был открыт артиллерийский огонь, и уже несколько минут спустя у нас над головой засвистели осколки. Прямо перед нами в небо вздымаются клубы черного дыма. Иногда мелькают белые клубки разрывов шрапнели. Вся низина нещадно поливается осколками снарядов. Мы пробираемся к первым домам Бабичей под огнем прочно засевших на позициях русских. Проклятые минометные мины взрываются одна за другой справа от нас и над нами. Повсюду этот вой, свист – отвратительный, мерзкий звук осколков мин. С перекошенными от страха

---

⁴ Галланд на Восточном фронте не воевал.

лицами мы прыгаем в траншеи русских. Их укрепления молотят противотанковыми снарядами. Вокруг безумный хаос. Русские палят по нам шрапнелью... И сверху на нас обрушивается град осколков, они сыплются и в расположенный неподалеку впереди пруд.

Появляются советские истребители. Атака с воздуха. Хвала Богу – потеря нет. К полудню добираемся до центра села. Сопротивление русских сломлено – разгромлена целая советская дивизия. Улица усеяна телами убитых и раненых солдат. Но и наши потери внушительны. И устали мы так, что еле волочем ноги. Но, позабыв об усталости, перестраиваемся и продолжаем наступать, не встречая сопротивления врага, на село Локачи. Нас там явно не ждут в гости – мы встречены яростным пулеметным огнем. Проклятые снайперы! С помощью ручных гранат мы очищаем дом за домом от засевших в них красноармейцев. Эти фанатики нещадно поливают нас огнем из-под рухнувших крыш, которые становятся для них могилами. Другие в последнюю минуту пытаются бежать, превращаясь для нас в движущиеся мишени, они замертво падают тут же на улицах от пуль или же от штыков немецких солдат. Час спустя село уже пылает, как спичка.

Невольно спрашиваешь себя, видя все это: а сколько же пострадало ни в чем не повинных людей из местных жителей? Страшная мысль. Видимо, не один я думаю об этом, потому что наши солдаты вовсю одурманивают себя шнапсом.

Как только огонь охватывает первую хату, замечаем лежащие на дороге трупы. Солдаты не щадят никого и ничего, уничтожают все, что видят. Вскоре горизонт застилает черная пелена дыма. По-видимому, в актах этой бессмысленной жестокости вымещается вся чудовищная усталость от бесконечных маршей и схваток с противником. Единственный выстрел снайпера возвращает тебя к жизни, забываешь и о дьявольской жаре, и вообще обо всем. Один пехотинец как-то сказал мне: «Пойми, я просто дико устал, а теперь я как огурчик. Я снова чувствую себя человеком!» У меня живот сводит от этих слов.

25 июня

Чего бы я только не отдал за несколько часов сна! Пару часов все же удалось выкроить, но потом нас подняли и приказали прорываться через позиции врага южнее Луцка. Сумеем ли мы без осложнений форсировать Стир (Стырь)?

Наше бешеное наступление оборачивается чуть ли не против нас: только несколько метров вдоль дороги можно считать полностью очищенными от врага. Прочесывать близлежащие леса нет времени, а именно там скрывается неприятель, перестраиваясь, чтобы атаковать нас изподтишка. Массу времени отнимают эти стычки с разрозненными группами русских в нашем тылу.

Русские атакуют и полностью уничтожают у нас в глубоком тылу наши транспортные колонны войскового подвоза. Русские самолеты донимают нас, словно одуревшие мухи. Это просто чудо, что все их фанатичные атаки оборачиваются минимальными потерями.

Около полудня мы у реки Стир. Русские взорвали плотину, большую территорию залило водой, наводить понтоны бессмысленно. Враг постоянно и беспрепятственно ведет беглый огонь по нашему плацдарму.

Тяжкий день для меня! Погибло четверо моих хороших друзей: Вальтер Вольф, Хорас, вечный весельчак Мюгге и Шильке. Многие другие получили тяжелые ранения. Я сам на пределе сил физических и моральных! Если бы ты только видела сейчас меня, моя дорогая Розель, – грязного, оборванного, издыхающего от жажды... Взглянув на меня, ты тут же разрыдалась бы. Нашей любимой родине никогда не понять, что за кампания выпала здесь на нашу долю. Невозможно себе вообразить и эту территорию, и то, как нам по ней приходится передвигаться, не говоря уже о боях, в которых мы участвуем.

Только что завершилась очередная атака русского штурмовика. Грубер погиб. А он ведь всего 8 дней назад обвенчался. Ночью глаз сомкнуть не удалось. На востоке в тылу настоящий ад. Небо кроваво-красное, в воздухе постоянный гул разрывов – вокруг идут сильные бои.

Прибыло подкрепление – танки. Нам сообщили о начале сражения за Луцк. На закате в стороне деревни видим темные облака дыма над берегами реки.

26 июня

Утром никаких изменений в обстановке. До сих пор перебраться на другой берег реки невозможно – просто не на чем. Из штаба дивизии поступил приказ – форсировать Стыр в районе Луцка, несмотря на наличие там крупных танковых сил русских. Ладно, направляемся туда, куда приказано, – идем сами, ни пехоты, ни тяжелой артиллерии. Реку предстоит преодолеть на надувных плотах.

От постоянных атак врага можно с ума сойти. Такое впечатление, что русские самолеты, большей частью штурмовики и бомбардировщики, появляются как снег на голову прямо из зарослей. И все происходит в считанные секунды: сначала оглушительные разрывы, потом глухие выстрелы их бортовых пушек и пулеметов, а под конец черный, вонючий дым разрывов. После этого стоны и крики раненых и умирающих, и все. Конец фильма. И так было раз пять по пути к Луцку. Наши потери значительны. Мы медленно входим в деревню, не забывая о прикрытии флангов. В центре села есть возможность передохнуть, собрать раненых и перекусить.

Наши артиллерия и пикирующие бомбардировщики здорово поработали в этом городке. Жуткое зрелище представляет собой городская тюрьма. Перед тем как оставить город, большевистские тюремщики устроили здесь жуткую кровавую баню. Свыше сотни людей – мужчин, женщин – забили, как скот. До конца жизни мне не забыть эти леденящие душу мертвые лица.

А пока что наши вытащили нескольких красноармейцев и евреев оттуда, где те пытались отсидеться. Краткое соло из пистолета – и этот сброд уже на небесах.

Продвигаемся дальше. При поддержке танков мы медленно приближаемся к восточной части города. И тут внезапно видим русские танки. И даже противотанковые пушки не развернешь – времени нет. Наши танки следуют в боевом порядке, мы на броне, обвешаны ручными гранатами, готовы подавить русских пехотинцев. Час спустя после сражения с этими бронированными бегемотами и сопровождавшими их пехотинцами все кончено – танки подбиты, пехотинцы врага разбежались. Но и у нас потери в несколько танков. Я был как раз на одном из них, и мне невероятно повезло, что меня не зацепило. Подобный эпизод дьявольски типичен для этой проклятой Восточной кампании. Наши танки уже далеко впереди, они в 40 километрах отсюда и наступают на Луцк.

Луцк был взят нашими войсками накануне утром, и вся территория вокруг города зачищена немецкими войсками. И все же откуда у противника вдруг возникло столько танков и пехотинцев? Эти азиатские сволочи хитры и коварны – что ни час, то новый сюрприз. Кусок дерьма под нос. Но здесь нигде не чувствуешь себя в безопасности. Ни часа, ни минуты, ни секунды беззаботности. Нет, я не трус, это точно. Чувство страха мне неведомо. Но все равно мчаться на мотоцикле вместе с кем-нибудь из связных вдоль длинющих лесных массивов, которые еще предстоит зачистить, – удовольствие более чем сомнительное.

За последние несколько дней красные застрелили нескольких вестовых на мотоциклах, раненых они стаскивали с машин и подвергали ужасающим издевательствам, только потом уже добивали. Необдуманность, безрассудство поведения русских видна на следующем примере.

Сегодня во второй половине дня, когда появились русские танки, экипаж одной из наших машин, выбравшись на башню, попытался перенацелить пушку. Когда мы вернулись, танк пылал, как спичка. Какой-то тип из штатских, прятавшийся неподалеку, поджег наш танк. Его, разумеется, схватили и бросили на горящий танк.

Вечером резко возросла активность русских как на земле, так и в воздухе. Ходят слухи, что мы в окружении вражеских танков. Дело дрянь! Но не впадать в панику и ждать!

27 июня

Всю ночь русские орудия (от 76,2-мм до 122-мм) колошматили наши позиции. Еще одна ночь без сна и покоя. К рассвету налетела целая стая русских истребителей, однако пользы от их стрельбы было мало – мы успели укрыться в траншеях. Машины виляли в воздухе, словно пьяные, – их кидало то вправо, то влево. А мы палили по ним, как сумасшедшие. Мы-то отлично понимали, что означают эти их выкрутасы – вынюхивают сверху, где наши позиции. Потом они либо подвергнут нас интенсивному прицельному обстрелу, либо явятся машины потяжелее и скинут на наши траншеи с десятков бомбочек. Поэтому нам было велено сменить позиции, что само по себе не так уж и просто – мы под обстрелом с воздуха.

Как и ожидалось, и нескольких минут не прошло, как появилась группа бомбардировщиков. В воздух метров на 40–50 взметнулись комья земли и дерна. Прямо к ногам шлепались раскаленные осколки. Но как внезапно все началось, так и закончилось. Наступила призрачная, нереальная тишина. Пожирающее наши нервы безмолвие, если не считать стонов раненых.

Чего ждать теперь? Третьей и четвертой волн, которые превратят наши позиции в месиво? Тянется минута за минутой тревожного ожидания, но ничего не происходит. Даже огонь противника и тот вроде затих. Какое-то время еще гулко тарыхтит тяжелый пулемет, потом тишина. Что происходит? Почему бы русским не атаковать нашу компашку? Но вскоре последовал ответ: наши пехотинцы ускоренным маршем следуют к нам на подмогу (еле тащатся, ибо трудно передвигаться быстро, если ты уже успел набегаться до кровавых мозолей). Русские настолько учтивы, что решили уступить кусок территории нашим солдатам. Судя по всему, вот-вот будет перевернута еще одна страница!

28 июня

Утром прибывают остатки наших моторизованных подразделений и – что куда важнее – артиллеристы. Но самое важное из всего, разумеется, провиант. Прибывают и машины войскового подвоза. Значит, будет и горячее. Туго пришлось бы нам, если бы на момент атаки русских в баках наших танков оставались бы лишь капли бензина.

Наступаем, но никакого боевого соприкосновения с противником. Вражеские истребители постоянно донимают колонны нашего войскового подвоза, но вот сегодня на серьезные атаки отчего-то не решаются – видимо, потому, что с нами сегодня наши ребята из пулеметной роты. Любо посмотреть, как они своими спаренными пулеметами прочерчивают синее небо. Наши войсковые зенитчики утратили бы дар речи, если бы получили такие. Господа пилоты русских истребителей, уже очень скоро поняв, что к чему, разворачиваются и, злобно рыча двигателями, убираются восвояси. Но прощальный их залп из бортовых пушек обходится нам двоими ранеными солдатами.

29 июня

Утром выясняется, почему русские так поспешно убрались. Мы призвали на помощь группу украинских военнопленных, скрывавшихся в кустах. Они уже не имеют никакого желания продолжать с нами сражаться и куда лучше нас осведомлены об обстановке. И то, что они нам рассказали с характерными ухмылками, обрадовало нас. Русские окружены, и, поскольку кольцо окружения в районе Дубно довольно слабое, они приступили к сосредоточению сил для предстоящего прорыва.

В Дубно мы прибываем вечером ускоренным маршем. В городе ни одного неприятельского солдата. Раньше во второй половине дня русские после тщетных попыток удержать город

оставили его. Перед тем как уйти, русские разрушили его. Сплошные руины. В городской тюрьме мы обнаружили груды изуродованных трупов.

Так называемая «проверка на дорогах» на мотоцикле с коляской едва не стоила нам жизни. Красные явно неплохо поднатаскали своих новобранцев по части огневой подготовки. Один из них попал в наш мотоцикл с тремя солдатами с дистанции в 150 метров. Выжившие имели все основания кувыркаться от радости. Нас спасли каски на голове, не надень мы их, нам точно бы несдобровать – шансы выжить были 3 к 100!

Уже в сумерках наша артиллерия обстреляла отступавших русских. Вместе с 9-й танковой дивизией мы продолжили преследование отступавших сил противника. Танки и в темноте занимают территорию. Мы следуем за ними, прикрывая фланги. Те, кому пришлось прикрывать фланги в войне с большевиками, поймут, что мы провели еще одну ночь без сна.

30 июня

Вопреки ожиданиям, ночь прошла спокойно, даже тихо, судя по нашим стандартам. Мы за минувшие дни успели привыкнуть к шуму и грохоту. Осколки кое-где иногда и посвистывают, да и малый калибр поднимает фонтанчики земли прямо у наших ног.

Адская сцена разыгрывается в 3 часа утра. Видимо, наши танки наткнулись на силы противника, хотя русских нигде не видно.

Солнце нещадно палит. Голова гудит от жары, еле шевелишь ногами и руками. «Старик» (фельдфебель), кажется, обладает способностью прочитывать наши мысли: «Кто больше не может сидеть у пушек, может прилечь и вздремнуть». Люди не обращают внимания, где находятся. Просто валяются на землю там, где стояли. Кое-кто в состоянии даже добрести до ближайшего сарая или амбара, там упасть на земляной пол и тут же отключиться.

Когда мы просыпаемся, дело идет к вечеру. В животе урчит. Воздаю хвалу нашему повару – Рудольф не покидает нас даже на передовой, и, хотя устал ничуть не меньше нас, все же, пока мы дрыхли, приготовил для нас знатную жратву – из свинины. Это встречено радостными возгласами, но вышестоящее начальство тут же обрывает их. Но видно, что повар весьма польщен нашей реакцией. Тут же принявшись за еду, мы даже позабыли о том, что вокруг сотни трупов.

Едва успели поесть, как произошло нечто ужасное. Снаряд из окаянного 122-мм орудия, которое систематически вело огонь по нам, угодил в отделение Франке. Когда облако дыма рассеялось, нашим взорам предстал кошмар. В этом хаосе среди разбросанных снарядных ящиков, искореженных обломков металла и луж крови лежали восемь трупов наших товарищей. Сам Франке сидел в траншее, наполовину заваленный землей, тупо взирая на ад кругом. Когда мы попытались оторвать его, он рывкнул на нас: «Что вам от меня нужно? Я останусь со своими ребятами!» Бедняга был явно не в себе. Вскоре он скончался. От кровопотери. Осколком ему отхватило руку. Жизнь комична – один-единственный русский снаряд разнес в пух и прах наш привал. И при этом – ни единого выстрела в ту ночь не прогремело!

1 июля

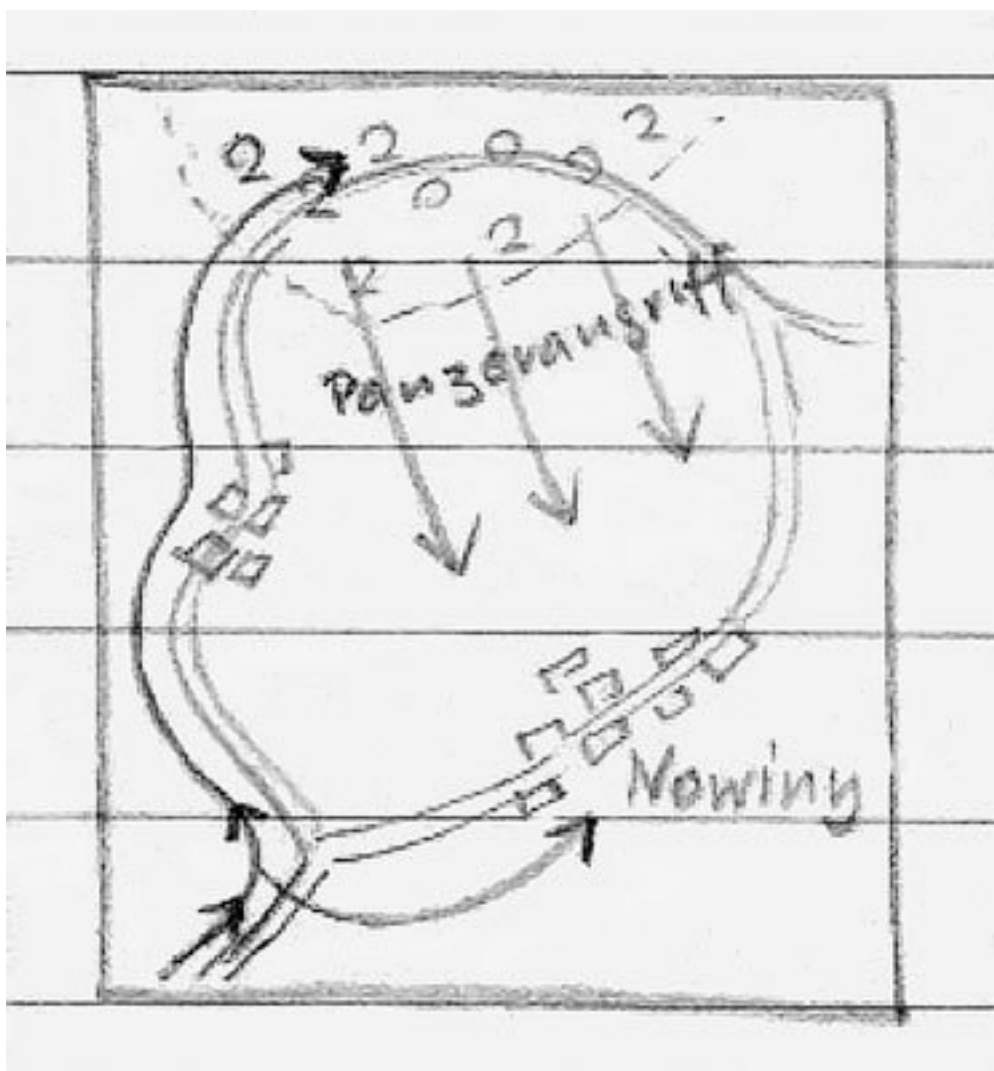
И это утро выдалось спокойным. Лежу на траве, гляжу в синее летнее небо. Крохотные белые облачка медленно тянутся на запад. К родным местам. От травы исходит резкий запах. Пчелы и шмели перелетают с цветка на цветок. Спокойствие ну совсем как дома. Розель, а помнишь, как мы с тобой любили летом выбираться на природу? Как ты тогда радостно и взволнованно рассуждала о жизни муравьев. Интересно, чем ты занята именно сейчас? В данный момент? Как я по тебе скучаю!

Возвращается группа разведчиков. С ними пленные. Большинство пленных раненые. Разведчики обнаружили несколько позиций противника. Большую часть пленных захватили на местной свиноферме, где они попытались укрыться.

Очень странное создание русский солдат. Нам, немцам, никогда его не понять до конца. С одной стороны, он невероятно добродушен, отзывчив, всегда готов прийти на помощь, гостеприимен. С другой – жестокий, не ведающий пощады.

Это – Россия! Кто в состоянии разобраться, что здесь происходит? Русский солдат – сильный противник, до последнего защищающий свою землю. Его бесстрашие не следует сравнивать с немецким солдатом, готовым с улыбкой на лице биться ради великой победы.

«Товарищ генерал поставил меня сюда стрелять. Вот поэтому я и стреляю». Хладнокровная и ни в коей мере не убедительная марксистская философия – мол, они сидят в своих траншеях и стреляют. Как снайперы, они подкарауливают наши войска, входящие в города. Ох, как же не везет тем немцам, которые попадают к ним! Мы уже не раз сталкивались с подобными вещами, и хвала Богу, что я до сих пор не оказался у них в плену.

Будучи картографом разведгруппы, Ганс Рот постоянно наносил на карту самые различные планы атак 299-й пехотной дивизии. Здесь в его первом дневнике помещена схема окружения города Новины с одновременной танковой атакой

2 июля

И сегодня тоже спокойно. Ни одного выстрела. Что происходит? Не нравится мне это затишье, оно гложет мне нервы. Красные сбежали, но наверняка задумали какой-нибудь дьявольский план. От разведки никаких сведений.

Жара действует на нас страшно, превращает в раздраженных и агрессивных. Даже в тени чувствуешь себя как поросенок на вертеле. Ветер доносит сладковатый дух разложения. Будь проклят запах тлена!

Сегодня все буквально сводит меня с ума! Полдень, и мы сидим в какой-то полудреме. Мы насквозь пропотели, нас мучит жуткая жажда, но воды не осталось ни капли. Колодцы наверняка отравлены, а воду мы всю давно выпили. Копать колодцы в дневное время небезопасно.

Вечер приносит прохладу, настрой улучшается. Предвкушаем ночной сон в удобном сарае.

Меня не покидает тревога по поводу этого затишья. С запада доносится артиллерийская канонада. Запад – направление, с которого мы идем. Что-то происходит! И это не удивляет. К нам примчался мотоциклист-вестовой из штаба дивизии: «Тревога! Быстро собратсья и по машинам!» Пять минут спустя мы покидаем наш привал. На часах 21.00. Уезжаем по той же дороге, по которой прибыли из Дубно. Становится совсем темно, ни зги не видать. Жуткая дорога, вся изрытая воронками снарядов, недурной экзамен по технике вождения для нашего Зеппа и для моего зрения! Внезапно сильный рывок – мы влетели в глубокую воронку. Чертова темень! Я так ударился ногами, что искры из глаз. Пока мы вытаскивали мотоцикл из воронки, наша колонна успела уйти далеко вперед. Вокруг ни души – сплошная непроглядная чернота. Где-то вдали тарахтит пулемет. Проезжаем развилки – никого и ничего, и мы просто едем вперед. Слава богу, известен хоть пункт назначения – Новины. Тут замечаем группу офицеров, сидящих в траншее справа у дороги.

– Как проехать в Новины?

– Поворачивайте налево!

И мы едем и едем вот уже несколько часов. В 1.30 доезжаем до какой-то деревушки. Стоящий у последнего дома офицер останавливает нас. Он страшно взвинчен и осведомляется, все ли у нас дома. Я воспринимаю это как должное и спокойно спрашиваю его, отчего он так взволнован. То, что он мне сообщает, отнюдь не радует: село и окружающую местность пришлось зачищать пехотинцам из-за ожидаемой через час атаки 200 человек русских. Дело дрянь. Наш ангел-хранитель настоятельно рекомендует нам повернуть назад, ибо ехать дальше – чистейшее самоубийство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.